

Рачинский Григорий Алексеевич

Трагедия Ницше

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Алексеевич Р.**
Трагедия Ницше / Рачинский Григорий Алексеевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2025. – 50 с.

ISBN 978-5-519-80396-0

ISBN 978-5-519-80396-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

былъ уже поднять другими, и намъ остается пока разобратся въ томъ, что дано, прежде чѣмъ на свой страхъ идти дальше. Мы въ нашей работѣ имѣемъ дѣло съ однимъ только типомъ этической мысли и притомъ въ той формѣ, какую этотъ типъ принялъ въ сочиненіяхъ единичнаго мыслителя — съ индивидуалистической моралью Фридриха Ницше. И вотъ, имѣя въ виду лишь нашу тему въ ея ограниченномъ объемѣ, мы хотѣли бы замѣтить, по поводу приведенныхъ выше словъ, нижеслѣдующее.

Мы далеко не безусловные поклонники естественно-историческаго метода въ приложеніи его къ наукамъ о духѣ. Можетъ быть, самая популярность этого метода основывается часто на бессознательномъ перенесеніи понятія о достоинствѣ и достовѣрности такъ называемыхъ точныхъ наукъ на самый ихъ методъ. При этомъ почти всегда упускается изъ виду, что методъ зависитъ отъ науки, а не наоборотъ. И если достигнутая цѣль не можетъ оправдывать средствъ, то она не можетъ служить и указаніемъ на ихъ пригодность въ другомъ, отличномъ отъ даннаго, случаѣ, или гарантіей ихъ успѣха въ новой области работы. Но указаній на извѣстную цѣлесообразность того или другого приѣма изслѣдованія мы имѣемъ право и обязанность искать во всякомъ методѣ.

Когда въ природѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ настолько сложнымъ, что анализъ и объясненіе его затруднены или даже прямо невозможны въ виду этой самой сложности, изслѣдователь обращается къ изученію основныхъ причинъ явленія и конечныхъ его слѣдствій, т.-е., другими словами, послѣдовательнаго хода измѣненій въ самомъ явленіи, оцѣниваетъ, такъ сказать, явленіе въ его генезисѣ. И, смотря по тому, какой смыслъ и значеніе онъ придаетъ причинамъ и слѣдствіямъ явленія, такой же смыслъ и значеніе изслѣдователь придастъ и самому явленію. Въ области нашей темы — морали этотъ приѣмъ оцѣнки ярко выражаютъ два всѣмъ знакомыя изреченія: „изъ Галилеи можетъ ли быть что доброе“ и „по плодамъ ихъ познаете ихъ“. Конечно,

для правильности такихъ суждений необходимо основательное знакомство съ „Галилеей“ и „плодами дѣла“ обсуждаемыхъ лицъ; но, при такомъ перемѣщеніи центра тяжести вопроса, изслѣдованіе дѣлается зачастую проще и доступнѣе, а самая задача — разрѣшимѣе. Вотъ почему я и позволилъ себѣ свести вопросъ о достоинствѣ моральнаго ученія Ницше на вопросъ объ исторіи развитія его идей.

Объяснивъ такимъ образомъ причину, почему я придалъ моей работѣ ту, а не другую форму, мнѣ остается сказать объ основаніяхъ вообще, по которымъ я предпринялъ настоящее изслѣдованіе. Мы живемъ въ эпоху переходную; этого не оспариваетъ, кажется, никто. Два теченія особенно замѣтно борются между собой: индивидуалистическій идеализмъ и историко-экономическій матеріализмъ. Я беру ихъ, въ широкомъ смыслѣ, какъ типы двухъ враждебныхъ міровоззрѣній. Всѣ отрасли культуры: наука, искусство, политическій и экономическій бытъ подвергаются критикѣ, а современное ихъ состояніе переоцѣнкѣ. У каждого типа свое моральное если не ученіе, то убѣжденіе, стоящее въ центрѣ дѣла и по существу наиболѣе важное для всякаго. Въ наукѣ ихъ борьба, повидимому, идетъ къ концу, хотя, къ сожалѣнію, еще не близко. Въ жизни она въ полномъ разгарѣ. Какъ всегда бываетъ, обѣ стороны, въ стремленіи отстоять свои взгляды, договариваются до крайностей. Я не скажу, чтобы мои симпатіи были на серединѣ: я опасаюсь „золотого“ безразличія, памятуя апокалиптическую угрозу „Носящаго въ рукѣ семь звѣздъ“ противъ тѣхъ, кто не горячъ и не холоденъ, а только теплъ, и презрительныя слова Данте о людяхъ безразличія: „Non ragioniam di lor, ma guarda e passa“! „Не будемъ толковать о нихъ, а посмотри и пройди мимо“. Мои убѣжденія ближе къ индивидуалистическому идеализму. Тѣмъ болѣе для меня важно и дорого, чтобы рѣшеніе вопросовъ съ этой точки зрѣнія не искажалось ни страстью борьбы, ни субъективными ошибками мыслителей. Я думалъ, что

при такомъ положеніи дѣла пересмотръ вопроса о смыслѣ ученій Ницше можетъ представить нѣкоторую пользу и интересъ *).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Діонисъ и Аполлонъ.

Sage aber auch dies, du wunderlicher Fremd-
ling: wie viel musste dies Volk leiden, um
so schön werden zu können. Jetzt aber folge
mir zur Tragödie und opfere mit mir im Tem-
pel beider Gottheiten!

Nietzsche.

But Greece and her foundations are
Based on the crystalline sea
Of thought and its eternity.

Shelley.

Философскіе взгляды мыслителей, какъ и ихъ книги, имѣютъ свою судьбу: *habent sua fata ideae*. Можетъ быть, одна изъ самыхъ интересныхъ задачъ исторіи мысли, прослѣдивъ всѣ повороты этой судьбы, показать, какія различныя формы принимаетъ подъ вліяніемъ времени, мѣста и обстоятельствъ возникающая въ гениальной головѣ мысль, дробясь и переливаясь всѣми оттѣнками чувства и настроеній въ неисчерпаемомъ разнообразіи умовъ ученыхъ, художниковъ, поэтовъ, людей жизни и практическаго дѣла. Но еще интереснѣе, пожалуй, взглянуть въ обратный процессъ синтеза, когда въ критической литературѣ и со-

*) Для тѣхъ, кто склоненъ относиться къ Ницше а главное къ его вліянію на современное общество скептически, я позволю себѣ привести разговоръ одного изъ русскихъ философовъ съ Э. фонъ-Гартманомъ. Русскій гость спросилъ Гартмана, что онъ думаетъ о Ницше. „Er hat sein Publicum“, отвѣчалъ тотъ, и пояснилъ, что это та же публика, которая читала съ увлеченіемъ „Парадоксы“ Макса Нордау, „Крейсерову сонату“ Толстого и его „Философію Безсознательнаго“. Конечно, сопоставленіе странное, и Гартманъ очевидно иронизируетъ; но, отбросивъ Макса Нордау, публика у Толстого и Гартмана была большая, и относиться къ ней, какъ къ чему-то незначительному въ современной общественной жизни, едва ли будетъ справедливо. Замѣчу еще, что тотъ же Гартманъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи „Исторія метафизики“ счелъ же нужнымъ отвести мѣсто и ученіямъ Ницше.

знаніи общества изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ впечатлѣній мало-по-малу слагается образъ, который затѣмъ на долгія времена остается господствующимъ отчасти въ литературѣ предмета, но въ особенности въ общественномъ мнѣніи. Духовный портретъ мыслителя готовъ. Онъ помѣщенъ въ галерею исторіи, въ залу какой-либо болѣе къ нему подходящей, школы, занесенъ въ каталогъ науки и занумерованъ. О тонкомъ сходствѣ не можетъ быть и рѣчи: слишкомъ велико законное нетерпѣніе слушателей вновь появившагося могучаго мыслителя поскорѣй создать себѣ цѣльный образъ его духа и... успокоиться на разрѣшенной задачѣ. А потомъ трудно будетъ нарушить цѣной такихъ усилій и тревоги добытый покой. И цѣлые вѣка уйдутъ на поправку скороспѣлой работы, при упорномъ сопротивленіи консервативной мысли, которая будетъ отстаивать каждую черту освященного годами традиціоннаго образа *).

*) Необыкновенно странный и неожиданный со стороны такого тонкаго психолога и чуткаго, добросовѣстнаго критика, какимъ всегда былъ В. С. Соловьевъ, примѣръ сомнительной характеристики представляетъ статья „Словесность или истина“, напечатанная сначала въ газетѣ „Русь“ и потомъ перепечатанная въ „Трехъ Разговорахъ“. Въ ней, рядомъ съ поразительно сжатой и вѣрной оцѣнкой скрытаго смысла моральныхъ взглядовъ Ницше въ періодъ созданія имъ типа Заратустры, встрѣчаемъ ироническую характеристику его, какъ педанта-профессора, даровитаго, но „исключительно“ кабинетнаго ученаго,—„сверхфилолога“. Основываясь на томъ, что Ницше „не испыталъ понастоящему (?) никакой жизненной драмы“, Соловьевъ утверждаетъ, что онъ о „земной человѣческой природѣ помимо книгъ имѣлъ лишь очень одно-стороннее и элементарное познаніе“; смѣется надъ тѣмъ, что онъ пишетъ „Заратустра“, а не „Зороастръ“ (а самъ Соловьевъ писалъ же не „Магометъ“, а „Мухаммедъ“); и переводитъ слова Ницше: „Ich lehre euch den Uebermenschen!“—„Я намѣренъ преподавать сверхчеловѣка“, объясняя, что для Ницше „сверхчеловѣкъ есть лишь предметъ университетскаго преподаванія—вновь учреждаемая *кафедра* (курсивъ подлинника) на филологическомъ факультетѣ“. И все это говорится о человѣкѣ; вся жизнь котораго, за вычетомъ пяти—шести лѣтъ молодости, была одно сплошное физическое страданіе и одна раздирающая душевная драма, который провелъ на кафедрѣ всего что-то около пяти лѣтъ, всю остальную жизнь путешествовалъ и жилъ въ общеніи и дружбѣ съ самыми разнообразными и, по большей части, весьма замѣчательными людьми, былъ поэтомъ и композиторомъ, отличался рѣд-

Въ числѣ условій, отъ которыхъ зависить тотъ или другой характеръ вышесказаннаго синтеза, не послѣднее мѣсто занимаетъ одно, на первый взглядъ довольно внѣшнее, обстоятельство, а именно: въ какую эпоху развитія его мысли и какое именно сочиненіе того или другого философа выдвинуло его на первый планъ во вниманіи общества. Это первое и непосредственное впечатлѣніе становится основаніемъ для всей дальнѣйшей оцѣнки. Сколько мыслителей и художниковъ горько жаловались на то, что, послѣ долгихъ лѣтъ упорнаго труда и движенія впередъ, они до могилы остались въ глазахъ большинства авторами какого-либо блестящаго, но далеко не самаго глубокаго, произведенія своей юности. Не для всякаго мыслителя такое положеніе равно невыгодно. Для тѣхъ изъ нихъ, которыхъ В. С. Соловьевъ такъ мѣтко называлъ „однодумами“, довольно безразлично, съ какой стороны подходитъ къ ихъ мысли читатель. Съ любой точки на сферѣ ихъ системы онъ можетъ кратчайшимъ путемъ радіуса придти къ центру всего построенія. Многія системы прямо носятъ характеръ развитія одной счастливой мысли. Когда я смотрю

кой наблюдательностью и писалъ книги о сверхчеловѣкѣ, похожія на что хотите, только не на курсъ лекцій съ кафедры филологическаго факультета. Совершенно вѣрно замѣчая, что „для филолога быть основателемъ религіи такъ же неестественно, какъ для титулярнаго совѣтника быть королемъ испанскимъ“, и что „самому гениальному филологу невозможно основать хотя бы самую скверную религіозную секту“, Соловьевъ какъ будто не замѣчаетъ, что нищезаисовство, если на что похоже, такъ ужъ скорѣе на „скверную секту“, а съ университетскихъ кафедръ, насколько мнѣ извѣстно, еще никогда не преподавалось. Я понимаю всю безграничную антипатію Соловьева къ Ницше; но здѣсь факты говорятъ сами за себя. Опасно и несорочно презирать врага, не отдавая всего должнаго его таланту и силѣ. Когда Соловьевъ въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ (между прочимъ, на примѣръ, въ „Мірѣ Искусства“) смѣется надъ тѣми, кого онъ называетъ въ другомъ мѣстѣ „трепещущими и преклоняющими колѣна передъ именемъ Заратустры психопатическими декадентами и декадентками въ Германіи и Россіи“, то этому можно только сочувствовать: не разсуждать же, въ самомъ дѣлѣ съ такими господами. Но общественнаго значенія и вліянія ученій Ницше В. С. Соловьевъ не понималъ не могъ; вѣдь онъ самъ въ своемъ „Оправданіи Добра“ подвергъ ученіе Ницше самой строгой, беспощадной, изумительной по силѣ мысли и чувства, но вполне серьезной, критикѣ.

на два десятка огромных томовъ, написанныхъ Эдуардомъ Гартманомъ, весь этотъ изумительный трудъ представляется мнѣ счастливымъ воспоминаніемъ той незабвенной минуты, когда молодой прусскій офицеръ, въ безконечно пессимистическомъ настроеніи, вызванномъ болѣзною ноги—болѣзною, разбившей всю его карьеру, раскрылъ мало читаемое сочиненіе Канта и напалъ на тѣ строки о безсознательномъ, которыя стоятъ эпиграфомъ ~~на~~ ^{на} небольшомъ томикѣ перваго изданія его „Philosophie des Unbewussten“. Но въ сколь менѣе выгодномъ положеніи находятся мыслители вроде Ницше, въ существѣ своемъ не систематики, вся дѣятельность которыхъ наполнена борьбой, исканіемъ, отказомъ отъ стараго и возвращеніемъ къ нему. Психологическій интересъ произведеній этихъ послѣднихъ крайне великъ, и значеніе ихъ, какъ показателей внутренней борьбы идей въ современныхъ имъ умахъ, неоцѣнимо, особенно когда сила и тонкость ума соединены въ нихъ съ такимъ рѣдкимъ художественнымъ чутьемъ и неумолимою честностью мысли, какія мы видимъ у Фр. Ницше. Тѣмъ важнѣе разобратся въ ходъ развитія ихъ мыслей и уловить скрытое подъ сѣтью переходовъ и противорѣчій единство личности. Я менѣе всего склоненъ въ данномъ случаѣ пользоваться тѣмъ методомъ, наиболѣе яркимъ и блестящимъ представителемъ котораго является Ип. Тэнъ. Въ приложеніи къ такимъ сложнымъ явленіямъ, какъ Ницше, результаты получаются крайне неудовлетворительные, и яркость образа почти всегда покупается грубостью его. Вотъ почему, начиная свою работу съ разбора перваго эстетическаго сочиненія Ницше, которому я придаю основное значеніе въ дѣлѣ объясненія его личности, я съ первыхъ же шаговъ считаю долгомъ заявить, что ни мало не утверждаю возможности объяснить все его мышленіе ~~исключительно~~ съ эстетической точки зрѣнія. Но особое вниманіе на эту сторону его идей обратить надо еще и въ виду сѣдующихъ обстоятельствъ:

Слава Ницше началась со времени появленія его эти-

ческихъ сочиненій, во второмъ періодѣ его литературной дѣятельности. Эти сочиненія сравнительно быстро здѣлали ему всемірную извѣстность и опредѣлили взглядъ на него въ критикѣ и обществѣ. Работы перваго періода остались въ тѣни. Этому много способствовало и то, что самъ Ницше, при удобномъ случаѣ, говорилъ о первыхъ своихъ изслѣдованіяхъ, какъ о чемъ-то рѣшительно пережитомъ и отвергнутомъ. Онъ самъ какъ бы просилъ читателя не обращать вниманія на его прошлое метафизика и эстетика. Многіе изъ критиковъ послѣдовали этому скрытому совѣту, не обративъ вниманія на то, какъ осторожно приходится въ такихъ случаяхъ вѣрить самому автору. Мы знаемъ на примѣрѣ Шопенгауэра, какъ жестоко ошибся бы тотъ, кто, повѣривъ на слово его неизсякаемой брани на Фихте и Шеллинга, отказался бы искать у сихъ послѣднихъ перваго основанія многихъ мыслей самого Шопенгауэра. Если бы мы не имѣли доказательствъ необыкновенной добросовѣстности Ницше, какъ мыслителя, мы были бы склонны думать, что онъ самъ чувствуетъ свою скрытую связь съ первымъ метафизическимъ періодомъ своей мысленія и насмѣшками надъ метафизикой старается заглушить въ себѣ это чувство. Оставивъ въ сторонѣ первые труды Ницше, критика потеряла ключъ ко многимъ противорѣчіямъ мысли во второмъ періодѣ его дѣятельности, и затѣмъ поставлена была въ немалый тупикъ, когда въ послѣдніе годы опять стали появляться отголоски молодыхъ его дней. Объясняли даже первыми проявленіями душевной болѣзни подписи на послѣднихъ его письмахъ «Dionysus» и «Der Gekreuzigte». Ницше былъ для большинства авторомъ «По ту сторону добра и зла». Эта односторонность толкованія его личности была замѣчена нѣкоторыми критиками и приписана исключительному интересу къ моральнымъ вопросамъ, проснувшемуся въ наши дни. Съ этимъ объясненіемъ я, хотя и съ сожалѣніемъ, не могу вполне согласиться. Вопросы эстетики и искусства, въ особенности въ той формѣ, въ которой ихъ затронулъ Ницше,

по меньшей мѣрѣ въ той же степени занимаютъ современное общество, какъ и вопросы морали. Что же касается литературныхъ достоинствъ и блеска утонченной парадоксальности, то во второмъ отношеніи эстетическія работы Ницше ни въ чемъ не уступаютъ другимъ его работамъ, а въ первомъ даже отчасти превосходятъ ихъ: вѣдь въ его «Geburt der Tragödie» мы имѣемъ единственное законченное его сочиненіе, построенное по строгому и стройному плану и выполненное съ изумительнымъ мастерствомъ. При чтеніи его видишь, что потерялъ читатель отъ перехода Ницше къ излюбленной имъ затѣмъ афористической манерѣ. Всѣ эти основанія вмѣстѣ взятыя и привели меня къ мысли, что провѣрка взглядовъ Ницше, исходя изъ его первыхъ работъ по эстетикѣ, не будетъ лишена интереса, а, можетъ быть, поставить и всю его личность въ нѣсколько иное освѣщеніе. Первая часть моей работы имѣетъ своимъ предметомъ самый ранній періодъ литературной дѣятельности Ницше вплоть до перелома въ его мысли, служащаго введеніемъ ко второму періоду его жизни.

Ницше было 27 лѣтъ, когда появилось въ печати первое его сочиненіе «Рожденіе трагедіи изъ духа музыки». Въ послѣдующихъ изданіяхъ авторъ прибавилъ характерное подзаглавіе «Griechenthum und Pessimismus». Онъ уже четыре года какъ былъ профессоромъ филологіи въ Базелѣ. Ницше былъ сыномъ пастора. Одинъ нѣмецкій писатель какъ-то сказалъ, что домъ протестантскаго пастора въ Германіи богатъ только дѣтьми да книгами. Въ одной изъ этихъ строгихъ, трудолюбивыхъ, разсудочно-благочестивыхъ, буржуазныхъ, но весьма интеллигентныхъ семей, давшихъ родинѣ столько великихъ ученыхъ и глубокихъ мыслителей, родился будущій создатель «сверхъ-человѣка», самый небуржуазный и неблагочестивый писатель современной Германіи. Но въ жилахъ этого пастора текла кровь одного изъ самыхъ блестящихъ, но зато и самыхъ парадоксальныхъ народовъ міра: кровь польскаго шляхтича, рыцаря-аристократа, мистика-католика, страстнаго, безпорядочнаго, легко-

мысленного и вольнолюбиваго. И сынъ пастора слышалъ въ себѣ эту кровь: онъ всю жизнь любилъ повторять, что онъ потомокъ ясновельможныхъ графовъ Ницкихъ; онъ гордился тѣмъ, что онъ славянинъ, и до конца говорилъ, что вся надежда будущей культуры—въ великомъ народѣ молодой Россіи. По призванію онъ былъ художникъ — поэтъ и музыкантъ. Онъ готовилъ себя къ карьерѣ композитора. Обстоятельства жизни заставили его сдѣлаться профессоромъ. Но добросовѣстный и неумолимый въ вопросѣ честности мысли Ницше занялъ кафедру съ полнымъ сознаниемъ своего права на нее. Филологъ онъ былъ перворазрядный: знаменитый Ричль рекомендовалъ его; а Лейпцигскій университетъ безъ экзамена далъ степень доктора человѣку, ничего не издавшему. Явленіе рѣдкое вездѣ, а въ Германіи прямо таки исключительное. Риль называетъ его этюды по греческой философіи мастерскими. Молодой профессоръ встрѣтился съ Рихардомъ Вагнеромъ, сошелся съ нимъ близко и сталъ самымъ горячимъ и безусловнымъ его поклонникомъ. Чувство благоговѣнія необыкновенно развито было въ этомъ ультра-индивидуалистѣ и осталось на всю жизнь одной изъ господствующихъ чертъ его моральнаго склада *). Какъ ни странно можетъ показаться подобное утвержденіе тѣмъ, кто помнитъ градъ насмѣшекъ, которыми онъ осыпалъ впо-

*) Въ журналѣ «Міръ Искусства», № 19—20, 1900 года, напечатана статья Н. Минскаго „Фридрихъ Ницше“. Она производитъ нѣсколько неожиданное впечатлѣніе въ этомъ журналѣ, всегда относившемся къ Ницше съ замѣтнымъ сочувствіемъ. Авторъ «Альмы» говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Ницше былъ одинаково зачарованъ и покоренъ гениемъ эллиновъ и гениемъ Шопенгауэра, и въ этой слѣпой привязанности къ тому и другому сказывается одна изъ основныхъ чертъ характера Ницше, которую я бы назвалъ жаждою духовнаго рабства, чисто женской влюбчивостью ума,—черта характера, съ которой Ницше долженъ былъ бороться всю жизнь, такъ какъ наряду съ этой рабской преданностью ему была врождена другая, также свойственная рабамъ, страсть—мѣнять одного властелина на другого, возиться съ цѣпями, надѣвать ихъ и разбивать». Я боюсь, какъ бы этотъ упрекъ не обратился на нѣкоторыхъ критиковъ Ницше: давно ли онъ былъ типомъ «могучаго, смѣлаго и независимаго мыслителя», а теперь онъ сталъ типомъ «раба».

«Je ne crois pas, Seigneur, avoir mérité
Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité!

слѣдствіи людей въ родѣ Данте, Шиллера и того же Вагнера; однако это такъ. Понимать людей другого душевнаго склада, чѣмъ онъ, разбираться въ нихъ Ницше не могъ и не хотѣлъ; состраданіе и милосердіе, вообще сочувствіе, онъ презиралъ, а потому умѣлъ только насмѣхаться, или благоговѣть. Рядомъ съ этой чертой стоитъ и другая, но о ней рѣчь будетъ впереди на своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, въ тотъ періодъ, о которомъ я теперь веду свою рѣчь, всѣ эти свойства еще не были такъ рѣзко выражены.

И вотъ этотъ-то филологъ-музыкантъ издаетъ одну изъ поэтичнѣйшихъ книгъ въ современной литературѣ. Это было философское, историческое и главнымъ образомъ эстетическое изслѣдованіе въ области классической филологіи. Со стороны своихъ метафизическихъ предпосылокъ, оно покоится цѣликомъ на ученіи Шопенгауэра. Увлеченіе метафизикой Шопенгауэра не требуетъ особаго объясненія: вліяніе ея въ это время достигло высшей своей точки. За два года передъ тѣмъ вышла первая книга Гартмана, а черезъ три года юноша-магистрантъ В. С. Соловьевъ указывалъ въ своей диссертациі на это вліяніе, какъ на признакъ нарождающагося новаго движенія въ философіи. Соловьевъ былъ на девять лѣтъ моложе Ницше, но въ своемъ философскомъ пониманіи тогда уже стоялъ неизмѣримо выше его. Въ то время, когда Ницше еще весь былъ въ сѣтяхъ шопенгауэровской метафизики, будущій величайшій философъ своего времени уже ясно видитъ ошибки своихъ предшественниковъ. Однако и Ницше вноситъ въ ученіе Шопенгауэра цѣлый рядъ поправокъ, придающій ему совсѣмъ иной видъ. Замѣчу здѣсь, кстати, что чувство благоговѣнія къ учителю и тутъ налицо: «нѣтъ въ мірѣ равнаго ему», «какъ сынъ внимаетъ онъ поученіямъ этого отца!» Теперь, прежде чѣмъ приступить къ изложенію измѣненій, внесенныхъ Ницше въ метафизику Шопенгауэра, я позволю себѣ напомнить въ самыхъ краткихъ словахъ основныя черты этой метафизики, ограничиваясь при этомъ тѣмъ, что существенно необходимо для пониманія дальнѣйшаго.